

Жизнь и искусство. Киев.

1897. 13 ноября. №314.

C.2.

Старость души.

Драма Чехова „Иванов“.

(Из литературной заметки).

„Ваше право“, право сказать пере-
двоять и столь же мало живых и талантли-
вых оригинальных драматических произве-
дений—этим Чехова являются настоящие
оазисы в пустыне. Много материала дают
он для размышлений всякого рода, много ста-
вят вопросов а при том—ник не скучно
пасть на сцене, так как получаем до-
статочное количество ярких и волнующих
впечатлений. Несмотря на общий мрачный ко-
лорит чеховского творчества, драма „Ива-
нов“ не оставляет по себе тяжелого на-
строения, хотя в ней есть две смерти: умира-
ет чахоточная жена Иванова и сам Ива-
нов. Люди молодые и, казалось-бы поэтому,
полные сил. Но все-то дело в том, что
хоть годами они и молоды, но обстоятельства
поступили с ними так нещадительно, что све-
ли их к нулю слишком преждевременно.
Грустно, конечно, что приходится умирать так
рано, но ни от той, ни от другого ждать,
увы,—ничего, жизнь для них самих
стала немыслима... Содержание „Иванова“
можно резюмировать приблизительно следу-
ющим образом: який непримиримый член
по крестьянским делам впал вдруг
в состояние непонятной тоски, нервного раз-
стройства и раздражения, разлюбил свою же-
ну, которая от этого, а также и от чахот-
ки, умирает; пытается увлечь полюбившей
его юной, жизнерадостной девушкой, но чув-
ствует, что новая любовь его не спасет, а
только погубит эту благородную, самоотвер-
женную душу—и, в порыве гордости—честно
пускает себя нулю в лоб. Вот на этой-то
кани мастерской рукой набросаны такие тонкие и
богатые узоры, на которые может быть способна
лишь рука истинного мыслящего художника.

Несмотря, однако, на свою содержатель-
ность и великолепную внешнюю обработку—
пьеса страдает одним значительным недо-
четом: главное лицо, в котором сосре-
доточен центр тяжести всей драмы, выписано
довольно туманно и нужно делать значитель-
ные догадки усилия зрителя, чтобы понять,
в чем тут дело, что такое с этим Ива-
новым случилось и почему он так стреми-
тельно состыкается с реальностью. Всякий хороший
посетитель должен будет думать, но нельзя
становить никаких загадок, так как это—
путь к неверности толкования. Что же
было, в самом деле, за личность, этот
непримиримый член по крестьянским делам,

Иванов? Упомянув фамилию вырван-
ного автора, естественно не без ужаса—Иванов
была такая пучина на Руси: из трех фамилий
—четвертой уже внутри Иванов. Наминан-
ские главные действующие лица Ивановых,
авторы как-бы говорят нам, что он не
набьет в виду никакой исключительности,
что он выводит широко распространенное
явление, ставшее типичным, а что условия,
способствующие возникновению данного типа,
это—весь склад нашей современной обще-
ственной жизни. Но из самой пьесы, из хо-
да действия нам совсем не ясно—почему
он дошел до нравственного банкротства и
в чем собственно это банкротство заклю-
чается. Из его собственных слов мы узнаем,
что еще годь тому назад он работал, в-
рился, увлекался—теперь же все это пошло
прахом, и он советуется молодым людям,
в страстном монологе, обращенном к Ле-
бедеву,—не слишком вкладывать всю свою
душу в труд, в борьбу, в увлечения, не
то и они, в самом непродолжительном вре-
мени спохватятся, что душа их истощилась,
что ее не хватает не только для обществен-
ной деятельности, но даже для домашнего об-
хода. Вот в этих-то словах и лежат
ключи к загадкам, благодаря им мы начи-
наем понимать секрет его потери вкуса к
жизни, он—переутомлен. Но результатом
каких внешних условий может явиться
столь раннее переутомление? Женился он по
страстной любви пользуется, по видимому, ма-
териальными достатками и хоть имеет долги
и не платит рабочим, то, Боже мой, кто
же не имеет теперь долгов и платит ра-
бочим! Следовательно—причину надо искать не
только вне личности, но и в самой личности,
которая если и является продуктом социаль-
ного строя, то не только в смысле воздвв-
ствия на нее известной среды, но также и в
смысле органического предрасположения так
или иначе реагировать на это воздействие и—
вот почему из живущих в одних и тех-
же условиях людей одни—успешают, дру-
гие—гибнут раньше поры. Так, в разб-
решении нами случая, мы очевидно имеем
дело с нервно-психической организацией, мало
выносливой, мало приспособленной к энер-
гичной систематической работе, к сильным
душевым движениям. Подвешенный обще-
ственной волной в будущее по природе впечат-
лительный и отзывчивый человек, Ива-
нов с преувеличенной страстностью ринулся
в водоворот действительности, искренно же-
лая и послужить „малым синь“ и самому
жить полной жизнью. Но нравственные силы
его быстро истощались без достаточных на-
ливов протина и он вступил в такую

Жизнь и искусство. Киев.

1897. 13 ноября. N-314.

С. 2.

душевном состоянии, на который самъ себе повлечь неспособенъ. Гамлетичность и даже только надвигается надъ собою. Но онъ — не Гамлетикъ, не вслазить. Онъ — смущенъ. Старикъ въ трагедию или дѣть. Ивановъ самъ мучиться это весьма смутно, но все существо его возмущается противъ этого преждевременнаго упадка души. Ненормальны эти старости, какъ ненормальны морщины и желтизна на недоразвитомъ плодѣ. Хотя и суровая дѣйствительность, хоть и можетъ изжить и изломать она даже и могучую натуру, но съ такими сторонами ея Ивановъ не сталъ бы, иначе не попалъ-бы на благополучное члена. Все-же остальное, съ чѣмъ, по догадкѣ зрителя, могъ онъ встрѣтиться на своемъ пути — не уничтожаетъ здороваго человека до такой степени, а если уничтожаетъ, то что-то неладно было въ самомъ человѣкѣ. Что-же такое въ немъ „неладно“? Вотъ это-то и оставилъ Чеховъ въ совершенномъ туманѣ и предоставляетъ объ этомъ догадываться самому зрителю. Ну и, надо сознаться, артистъ этимъ не вполне доволенъ, такъ какъ авторъ задаетъ задачу, которая не совсѣмъ по силамъ зрителю средняго уровня. Нужно было полнѣе и яснѣе сказать, что переживаемое Ивановымъ не психологія, а психопатологія и что таковая, а равно построения его характеристичны не для физически здороваго, средняго дѣть, человека, а для человека, душа котораго очерствѣла и оледенѣла, какъ у много и долго прожившаго старика. Онъ не можетъ ни повѣрить, ни забыть, его уже ничто не можетъ увлечь и потрясти — онъ только трагически повторяетъ, что чувствуетъ себя въ чемъ-то виноватымъ, хотя и не знаетъ — въ чемъ его вина. Авторъ слегка намекаетъ намъ, что душа Иванова состарилась и что это случилось потому, что онъ очень интенсивно жилъ — вотъ и все. Мы-же имѣемъ право дополнить отъ себя, что старость въ 35 лѣтъ даже и отъ интенсивной жизни — не обязательна для нервно здороваго человека и что хотя подобное явленіе попадаетъ въ современную дѣйствительности сплошь и рядомъ и можетъ заинтересовать собою изучающаго жизнь художника, какъ явленіе типическое для нашего времени, его все таки нельзя разсматривать, какъ нечто понятное и безъ объясненій болѣе глубокихъ, чѣмъ тѣ, которые могутъ прийти зрителю въ голову, когда онъ слушаетъ страдальческія рѣчи Иванова.

Передъ нами теперь къ исполненію пьесы Чехова на нашей сценѣ „Иванова“ выбралъ г. Ромашъ-Мисаевъ для своего бенефиса и самъ выступилъ въ заглавной роли. Онъ чрезвычайно выгодно использовался всѣмъ матеріаломъ, какой только представилъ ему авторъ и далъ

такой живой и пластически совершенный образъ, что не осталось почти ничего болѣе. Маленькіе выходы и строфы были отъ тѣхъ съ поразительной тонкостью. Глядя на него, было ясно, что этотъ Ивановъ могъ въ свое время изжить къ себѣ много дѣтей, могъ увлечь женщинъ и много поинтересить, чѣмъ Сира, какъ она предстала намъ въ истолкованіи г-жи Тугариновой. Утомленіе, гнѣвъ, безпредметная тоска, попытка дать себя увлечь Шурочкѣ, холодный ужасъ отъ сознанія, что новой жизни быть не можетъ, послѣдняя всеобщая угасность благородныхъ порывовъ, — все это было воспроизведено артистомъ съ изумительной силой и съ потрясающимъ реализмомъ. Надо сказать, что произведенію Чехова повезло на исполнителей у насъ, въ Киевѣ. „Ивановъ“ превосходно поставленъ на нашей сценѣ. Графъ Тобольскій, дядя Иванова, бѣдный старикъ, прожившій у своего племянника на хлѣбахъ, былъ выхваченъ прямо изъ „живой жизни“. Лебедевъ, председатель земской управы, вышелъ въ г. Михайловъ замѣчательно тонкаго и умнаго выразителя. Задумчивость и благородство этого обезличеннаго семейными обстоятельствами человека обрисованы были этимъ артистомъ съ трогательной и подкупающей искренностью. Въ лицѣ г. Михайлова сцена наша обогатилась выдающейся художественной силой и это мнѣніе объ немъ крѣпится съ каждой пьесой, въ которой мы его видимъ. Онъ можетъ быть и драматиченъ до того, что слезы выступаютъ у публики на глазахъ (сцена, гдѣ онъ предлагаетъ Иванову денегъ взаймы), можетъ быть и комиченъ — а именно высокимъ комизмомъ, который не лишенъ серьезности и достоинства и которымъ обладаютъ лишь крупныя художники сцены. Въ каждой своей роли г. Михайловъ даже по внѣшности претворяется до того, что положительно немисленно его узнать не взглянувъ на афишу. И ростъ, и тѣлосложение и фазіономія — все другое. Вообще, вышедшая труппа сдѣлала-бы честь и не провинціальному театру, при чемъ мы не можемъ не пожалѣть, что женскій персоналъ слабѣ мужского — собственно только одна г-жа Глѣбова является вполне законченной и совершенной артистической личностью, да еще г-жа Непривитъ. Роль акцизнаго Косыхъ велъ г. Богдановъ и велъ ее очень хорошо. Г. Вагровъ (юный земскій врачъ Львовъ) — исполнилъ въ своей трудную роль честнаго и ограниченнаго моралью и много жару и беззащитной выности, которая, не будучи урегулирована гуманной мыслью, заводитъ людей, ею обладающихъ, довольно далеко въ направленіи вѣтренности и догматичности. Артистъ обладаетъ выразительными лицомъ